

Сорок калик со каликою

Из-за того из-за озёра Маслеёва,
Из-за той же пустынюшки Хвалынское,
А от того же креста от Леванидова
А шло сорок-де калик дак со каликою.
А и ишше все эти калики наубел-белы,
А един был калика — ровно бел кречет.
А выходили они на полё на чистое
А но[а] то же на роздольцо широкоё:
Наперёд идёт Касьян да сын Иванович,
А позади идёт Михайло сын Михайловиць.
А-й выходили они на полё на чистое,
А и на то же на роздольцо широкоё,
А клюки-посохи в землю испотыкали;
Они суноцьки свои дак исповешали.
(А и ишше суноцьки у их были рыта бархата,
А подсуноцья у их — да хрусъцятой камки!)
И садилесе ребята во единой круг,
А они клали-де заповедь великую,
А великую заповедь тяжолую:
«А ишше хто, браццы, из нас дак заворуиццэ,
Ишше хто, браццы, из нас дак заблядуиццэ,
А хто соврёт, ли солгёт, или украдет што,
А или цюжую жену дак изуродуёт —
Нам судити того, браццы, своим судом,
А своим-де судом судить по-польскому:
А нам копать по белым грудям в сыру землю,
А язык-от тянуть дак ему тэменем,
Ишше ясны-ти очи — всё косицеми,
А ретивоё серцо — промежду плецьми!»
А как пошли эти калики по дорожки вдоль:
А наперёд идёт Касьян да сын Иванович,
А позади идёт Михайло сын Михайлович.
А им настречу Владимир стольне-киевской,
А как на козёлках — Олешенька Поповиць-от,
На запятоцьках — Добрынюшка Микитиць млад.

А говорыт-то Владимир стольне-киевской:

«Уж вы здрастуйте, калики перехоžia,
Перехожие калики, переброžia,
Ой ишше вы-де, калики, ясны соколы!
А вы куда идите, да куды правитесь?»

Отвечают калики перехоžia:

«А мы пошли-де ко граду Ерусáлиму
А во святой-де святыни помолитисе,
Ко гробници Христовой приложитисе,
Во Ердани-реки нам приоммытисе,
На плакуне-травы дак покататисе!»

Говорит им Владимир таковы слова:

«А уж вы ой еси, калики перехоžia!

А ишше спойте вы, калики, мне Еленьской стих!»

Как запели калики-ти Еленьской стих —

Мать сыра-де земля да потрясаласе,

И кабы реки-озёра сколыбалисе,

Ишше во поли травку залелеяло;

А увалилсэ Олешенька со козёлков,

А увалилсэ Добрынюшка с запятоцьков,

А едва князь Владимир сидучи сидит,

А едва князь Владимир лежучи́с лежи́т.

А едва князь Владимир слово вымолвил:

«Перестаньте петь, калики, вы Еленьской стих».

А перестали петь калики-ти Еленьской стих.

А говорыт им Владимир стольне-киевской:

«Уж вы ой еси, калики перехоžia,

Перехожие калики, переброžia!

А вам слуцицьсе итти мимо стольне Киев-град —

А заворачивайте в город пообедати!»

А как пошли эти калики по дорожки вдоль:

А-й наперёд идёт Касьян дак сын Иванович,

Позади идёт Михайло сын Михайловиць.

А им слуцилосе итти мимо стольне Киев-град —

А заворачивали в город пообедати.

А подходили ко грьдьни княжоневское,

А закрычали милостыню Христа ради —

А со краю на край грьдьня пошаталасе,

Разнолисьние напитки поплескалисье.

А услышала кнегинушка Опраксея,
И выскакивала она да на красно крыльцо,
А она низко каликам поклоняласе:
«Уж вы здрастуйте, калики перехожая,
А перехожие калики, переброжие!
Ишше вы-де калики, ясны соколы,
Заходите во грьдню пообедати!»
Ишше тут же калики не ослышились,
А пошли-де калики на красно крыльцо,
Заходили во грьдню княжоневскую.
Тут сажает кнегинуш[к]а Опраксея
За те же за столы да за дубовыя
И за те же за скатерти берчятныя,
А за те петенья-еденья дак разнолисьня.
А ишше тут же калики пообедали.
Тут смотрела кнегинушка Опраксея,
И смотрела на калик она перехожиех:
Прилюбилса Михайло сын Михайловиць.
А и взяла она цяшу всё серебрянну,
Из которой из цяши князь с приезде пьет, —
Она клала Михайлу всё Михайловицю,
А и положила в его сунку тайно же.
А ишше тут же калики пообедали,
Ишше хлеба-де, соли поотведали,
Благодарили кнегинушку Опраксею,
А пошли вон из грьдни княжоневское,
А со того же крылецика со красного.
Провожает кнегинушка Опраксея.
Как пошли эти калики по дорожки вдоль:
А наперёд идёт Касьян дак сын Ивановиць,
А позади идёт Михайло сын Михайловиць.
А приежжает Владимир стольне-киевской;
А он заходит во грьдню княжоневскую,
А он и спрашивает кнегинушку Опраксею,
А он и спрашивает цяшу всё серебрянну,
Из которой же цяши князь с приезде пьет.
Заискали тут цяшу всё серебряну.
А говорит тут кнегинуш[к]а Опраксея:
«А ишше были калики перехожая,

Унесли, видно, цяшу всё серебрянну!»
Посылали Олешеньку Поповиця,
А ишше тут же Олёши наговарывали:
«Ты найдёшь если чашу всё серебрянну —
А виноватого веди да в столне Киев-град!»
Тут поехал Олешенька Поповиць-от,
Наежжал-то Олешенька сорок калик,
Закричал он своим да громким голосом:
«Уж вы ой еси, калики перехожая,
Перехожие калики, переброжая!
Ой, вы где пили-ели — тут и настрали:
Вы зацем унесли цяшу серебряну,
А из которой из цяши князь с приезде пьет?»
А ишше это каликам не понравилось;
А воротили Олешеньку Поповиця:
«Не бирали мы чаши всё серебряной!»
Воротилса Олёша в стольне Киев-град:
«Наежжал я калик ведь перехожиех,
Ишше спрашивал про чашу про серебрянну;
Отвечали калики перехожая:
„Не бирали мы цяши всё серебряной!”»
А говорыт тут кнегинушка Апраксея,
Посылала Добрынюшку Микитица:
«Кабы вежливой Добрынюшка — очесливой:
Он спросил бы у калик дак перехожиех,
Не попалась ли цяша к им серебрянна».
Как поехал Добрынюшка Мекитиць мла[д],
Он настыг же калик дак перехожиех,
Он заехал, Добрыня, спереди он, с глаз,
Он слез-де, Добрыня, со добра коня,
Он и низко-де каликам поклоняиццэ:
«Уж вы здрастуйте, калики перехожие!
А ишше были вы у князя у Владимира —
Потеряласе цяша всё серебрянна.
А не попалась ле в суноцьки, в омецьку же?»
Остановились калики перехожая,
Они стали искать во своих суноцьках —
И нашли у Михайла Михайловиця.
А говорыт тут Добрыня таковы слова:

«А виноватого вести да в красен Киев-град!»
А говорят тут калики таково слово:
«Ишше кладёна у нас заповедь великая —
А судити того ведь нам своим судом,
А своим-де судом судить по-польскому!»
А закопали Михайла в землю по белым грудям;
А язык-от тенули ему теменём,
А ишше ясны-ти оци — всё косицеми,
А ретивоё сердце — промежду плецьми.
Как поехал Добрыня в красен Киев-град,
А он привёз-де-ка цяшу-ту серебрянну.
Говорит тут кнегинушка Опраксия,
А-й говорила она да таковы слова:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
А [и]шше где же у тя дак виноват-от же?»
А говорят-то Добрыня таковы слова:
«А у их кладёна заповедь великая,
А-й великая заповедь тяжолая;
А судят они, браццы, своим судом,
А своим-де судом судят по-польскому:
А закопали Михайла по белым грудям;
А язык-от тенули ему теменём,
Да ясны-ти оци — всё косицеми,
А ретивоё сердце — промежду плецьми!»
А тут змолиласе кнегинушка Апраксея:
«А я положила чару всё серебрянну!»
А и змолиласе молитвою великою.
Ишше тут же Михайло сын Михайловиць
И он выскакивал нонь из сырой земли —
Настыгал он свою братью-дружинушку,
Он за те за дела да за напрасныя.

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.